

пролог

Если возвращаться домой на рассвете, высунув руку в окно автомобиля, то летняя Москва ощущается иначе — спокойнее, мягче и приветливее.

В машине негромко играло радио. Кажется, крутили русский рэп. Или это музыка смешивалась с болтовней попутчиков, превращаясь в ядовитую песню. Марина не знала наверняка, хотя точно слышала и музыку, и разговоры. Только слова упорно не складывались в предложения.

Она оторвалась от окна и обвела взглядом остальных — никто ничего не подозревал и всем было хорошо. Всем, кроме нее. Она без конца прижимала ладони к коленям, оттягивая подол сарафана из ситца, который теперь ощущался кусачей шерстью. На каждом повороте Марина буквально вжималась в дверь, только бы не касаться одnogруппника, зажатого с двух сторон на заднем сиденье. Он же постоянно задевал то ее колени, то талию, то плечо — случайно или нарочно.

— Маринад, а ты поедешь?

Она не ответила сразу, пытаясь понять, почему на радио включают русский рэп про бары и насилие. Такие песни казались ей супернеактуальными: мир меняется — прогрессивное общество, уважение и равные права.

— Маринад. — Марк пихнул ее локтем в бок и прищурил-ся в темноте, стараясь разглядеть ее лицо. — Ты уснула, что ли?

— Нет.

— Нет — не уснула? Или нет — не поеду?

— Не уснула.

— Ну а насчет поездки? — Неудобно развернувшись, он кое-как закинул руку ей на плечо. Марина смяла юбку, когда Марк сдавил ею шею и растрепал волосы свободной рукой.

— Марк, отстань. Деточка устала, не видишь? — шутливо протянул водитель.

— Ладно, Маринад, щас приедем в общагу и вырубимся.

Машина рывком остановилась, следом раздалась звуки открывающихся и закрывающихся дверей. Но Марина слышала только себя — четкое, глубокое дыхание и сдавленный вздох облегчения, когда одноклассник наконец отсел.

Машина качнулась и тронулась. Теперь их было трое: Марк, Марина и Александр Альбертович — их преподаватель и главный редактор радио «Столица». Он посмотрел на студентов и тепло улыбнулся:

— Вы завтра-то не проспите?

— Нам ко второй. Ваша пара вообще-то.

— Экзамен вообще-то. Ты погляди, как размотало Маришу. Даже не двигается. Мариш, ты хоть улыбнись для вида, а то решат, что мы тут насильно тебя держим.

— Не-а, все по обоюдному, — прыснул Марк и опять пихнул одnogруппницу в бок.

Марина, не отнимая рук от подола, кивнула и улыбнулась. Ей нужно было скорее выйти из машины, скорее вернуться в комнату, смыть с себя этот вечер... Построить план действий, составить список, привести мысли в порядок, чтобы в конце концов понять, что делать дальше. Она одним движением вытащила телефон из плюшевой сумочки и открыла приложение банка — стипендия не пришла. Телефон обреченно уведомил о низком заряде батареи. Метро еще не открылось, а до общаги было далеко.

Распухшие не то от поцелуев, не то от слез губы сжались в тонкую линию. Горло стянуло тупой болью, которую Марина очень тихо проглотила. Остаток пути она провела считая редких пешеходов, постоянно вздрагивая от звука мужского голоса.

— Александр Альбертович, откройте багажник, пожалуйста, — сказал Марк, выпрыгивая из машины.

Марина же оставалась неподвижной, только на шее пульсировала тоненькая венка. Глубоко вздохнув, она наконец отпустила подол и медленно открыла дверь. Босоножки неприятно сдавливали стопы, ветер хватался за края сарафана, норовя оголить кожу.

— До завтра.

— Спасибо вам за ужин еще раз. Было вкусно!

Оба мужчины посмотрели на Марину, а та шла неестественно прямо, точно оловянный солдатик — опустив руки по швам. Она думала только о том, надо ли прощаться с человеком, который ее изнасиловал.

— Мариша, а попрощаться?

— До свидания, Александр Альбертович, — кое-как выдавила она и, не оглядываясь, скрылась за дверью общежития.

«Вы слушаете радио “Столица” и самого бодрого ведущего — Георгия Нехитрого! В Москве девять утра, пробки захватили дороги, но мы не киснем...»

Шумно выдохнув, он закрыл окно.

— Гога, ты, когда базаришь, ты думаешь, что базаришь вообще?

Затем он оглядел кожаный салон, взял сумку с документами и ноутбуком с пассажирского сиденья, посмотрел в зеркало и наконец заглушил авто. Перед тем как выйти, он улыбнулся: все происходящее вызывало в нем тихий восторг — летний дождь, задний двор университета, наполненный студентами. Они курили и громко смеялись, передавая друг другу сплетни. Он находил что-то волнующее в том, чтобы наблюдать за чужой жизнью издалека, незаметно.

В университет он вошел так же, как и всегда: чуть пружиня при каждом шаге, растягивая губы в вежливой улыбке и немного сведя брови. Он не спешил, по привычке прикасаясь к каждому, кого встречал на пути.

— Александр Альбертович, доброе утро!

— Доброе. — Он поправил очки и спокойно обошел студенток.

Чуть помедлив перед дверью в аудиторию, Александр Альбертович расправил рукава пиджака, проверил наручные часы и прочистил горло.

— Доброе утро. Группа вся?

— Вся, — ответил Марк, усаживаясь рядом с Мариной, которая уже минут двадцать перечитывала одну и ту же строчку в конспекте. Она не поднимала глаз на педагога, прячась за осторожной и скованной улыбкой.

— Я позволил себе шалость: билетов не будет, как и экзамена. Надеюсь, вы не против? — Он провел рукой по аккуратной щетине.

Раздалась череда облегченных вздохов. Александр Альбертович сел за стол — в метре от Марины и Марка — и выставил ладонь вперед, призывая к тишине:

— Потратим это время на консультацию по преддипломной практике.

— А оценки?

— Оценки... Вы сдавали сюжет, в целом, можно оценку за него выставить как за экзамен. Подходит?

Гул начал набирать обороты. Со всех сторон слышались подерживающие реплики: кто-то аплодировал, кто-то интересовался возможностью переснять сюжет, а кто-то, как Марина, сидел тихо, даже понуро. Хотя причины для тишины у них едва ли были общими.

Марина думала, может ли он не помнить вчерашний вечер? Или... он неправильно понял ее?

Ей казалось странным все: и солнечный свет, и веселость одноклассников, и голос Александра Альбертовича, и суетящийся Марк, и даже собственное тело. Все это теперь было неудобным, неизвестным и далеким. Она почему-то вспомнила, как в детстве пряталась под столом, когда ее ругали, и уже оттуда продолжала разговор со взрослыми.

Ей нетерпимо захотелось залезть под парту и спросить: «Зачем ты это сделал?»

Когда группа погрузилась в бесконечный поток вопросов о преддипломной практике, Марина впервые заметила, что часы в аудитории не тикают, а жужжат. Секундная стрелка лениво поднималась и чуть быстрее опускалась, а вот минутная точно замерла. Марине хотелось сдвинуть стрелки, как-то помочь времени вернуть прежний темп. Еще, конечно же, ей хотелось уйти. Но этого она не могла себе позволить, поэтому молча смотрела на время, продолжая качать ногой.

Раскрытая тетрадь скользнула по столу, привлекая внимание Марины. Заостренные буквы аккуратно лежали на голубой строчке: «Ты ок?»

Про себя Марина ответила «нет», но написала совсем другое: «Да. Приболела» — и вернула тетрадь.

«Температура?»

Александр Альбертович недовольно глянул на первый ряд. Марина сразу положила карандаш и незаметно опустила руки

на колени. Марк улыбнулся с извиняющимся видом. И все же скоро протянул открытую тетрадь вновь.

«Случилось что-то?»

На этот раз Марина медленно покачала головой, не отрывая взгляда от часов. Когда зашипело радио и заиграла незатейливая мелодия — перерыв, — она начала складывать в сумку вещи. Затем торопливо поднялась с места, собираясь выскочить на улицу, чтобы наконец-то вздохнуть. Но группа, как назло, расходилась медленно, лениво покачиваясь из стороны в сторону, обсуждая предстоящие каникулы и диплом.

— Марина, задержись, пожалуйста.

Волна мурашек пронеслась вдоль позвоночника и ударила в подколенную ямку. Решив, что лучше проигнорировать просьбу, Марина воткнула в уши наушники и поспешила слиться с толпой.

— Марк, останови свою подругу, будь добр. Она как в воду опущенная сегодня.

— Заболела, Александр Альбертович.

Не успел Марк окликнуть ее, как Марина обернулась, изо всех сил стараясь держаться непринужденно. Она подошла к другу и передала ему все еще влажный от дождя плащ. Марк чуть нахмурился, глядя на кривую улыбку Марины.

— Подожди меня за дверью, пожалуйста.

Когда аудитория опустела и дверь за одноклассником закрылась, Марина вдруг растеряла всю храбрость и уверенность, которых и так было всего ничего. Не поднимая взгляда, кое-как ворочая языком, произнесла:

— Чего вы хотели?

— Ты какая-то бледная. Марк сказал, что тебе нездоровится.

— Я в порядке.

— Заглянешь ко мне после пар?

— Я?

Ее лицо застыло в изумлении. Она впервые посмотрела на него после произошедшего. Пережили ли они одно и то же ночью?

— Ты. — Он сел на стул и теперь смотрел на Марину снизу вверх, очень пристально. Вид у него был расслабленный, даже кокетливый. Марина проглотила вязкую слюну и прижала руки к груди. Ей вдруг показалось, что он действительно иначе относится к случившемуся. Что если ему и правда понравилось?

От последней мысли ей стало не по себе. Кому может нравиться насилие? Она повела плечом и несмело ответила:

— То, что вчера произошло, не было моим желанием.

— Правда? — Он опустил уголки губ и приподнял брови. — Просто на видео тебе очень хорошо.

Она не сразу поняла сказанное. На несколько секунд зависла, прокручивая ответ, чтобы наконец понять: он пережил то же самое, что и она, этой ночью. Он точно помнит, он точно понимает. Марину словно парализовало: она не дышала, кожа полыхала, глаза мгновенно наполнились слезами, а язык стал тяжелым. Стараясь справиться с паникой, она снова и снова хваталась за ускользающие воспоминания. Разве там были камеры? Где? Как много он успел снять?

Она коротко взглянула на Александра Альбертовича. Он сидел все так же расслабленно и внимательно разглядывал ее. Горло сдавил страх. Марина кое-как задала вопрос, ответ на который совсем не хотела знать:

— Ты снимал?

Саша не спеша разблокировал телефон, открыл галерею и выбрал видео, которое было окружено рабочими скриншотами и фотографиями утреннего кофе. По аудитории пронеслись звуки: тяжелое дыхание, стоны и лязганье металла. Марина закрыла глаза рукой, то ли пряча слезы, то ли пряча от видео. Тогда он повернул телефон к ней.

— Выключить? — Его голос сочился лживой вежливостью, почти ядовитой.

Марина попятилась, нервно кивая. Видео замолчало не сразу. Телефон юркнул в карман брюк. В повисшей тишине слышались гул, доносящийся из коридора, и медленные шаги Саши. Он обошел Марину и сел напротив — так, что его колени касались ее бедер. Заламывая пальцы за спиной, она опустила голову, стараясь не думать о том, что будет дальше.

— Я заканчиваю в полшестого. Не опаздывай, — он сказал это очень легко, словно сделал заказ в кондитерии, а затем медленно провел рукой по ее бедру.

Дверь аудитории с грохотом открылась. Марина вздрогнула, точно очнувшись, и сделала шаг назад.

— Маринад, погнали уже! Давай живее, мне надо в магазин еще.

— До встречи, Мариша.

Она с трудом удержалась от того, чтобы не перейти на бег, продолжая глотать слезы сквозь улыбку.

Лето тянулось мучительно. Весь июль Марина провела одна в общежитии. Днем помогала в учебной части, а вечером читала книги или листала новости. Несколько раз в неделю ей звонил Александр Альбертович и назначал встречу.

Чаще всего эти встречи проходили в гостинице, офисе или загородном доме. Пытаясь понять, какое место ей претит больше, Марина решила составить список того, что она особенно ненавидела в каждом из них.

В офисе ее бесили панорамные окна, тонкие серые жалюзи в маленькую дырочку, которые ничего не скрывали, и люди. Стоило ей показаться в многоэтажном бизнес-центре с фиолетовыми стенами, как все сотрудники начинали шептаться. Однажды какая-то девица назвала ее «еще одной жертвой амбиций».

В гостинице, которую Саша снимал на час, были отвратительные полотенца, такая же душевая и очень жесткий ковролин — после него саднили колени. Еще Марина заметила, что администратор всегда пылал презрением и с трудом маскировал его под вежливость.

Но хуже всего был загородный дом. Она называла его «логово Левицкого». Дорога туда была либо утомительной, либо мучительной. Зависело от того, как приходилось добираться: на автобусе или с Сашей. Логово находилось недалеко от аэропорта, на берегу озера, в окружении сосен. Ближайшие домики не удавалось разглядеть. Возможно, поэтому Левицкий никогда

не задумывался о шторах. Только в спальне болтались тонкие серые жалюзи, точно такие же, как в офисе. Их Марина, конечно же, внесла в список.

Логово всегда казалось большей пыткой, чем любое другое место: там все началось. Марина нередко опаздывала на встречи, придумывая самые разные причины. А пару таких «свиданий» даже удалось отменить под предлогом воспаления гланд, которые на самом деле ей удалили еще в пятом классе.

Пугало и то, что сбежать из загородного дома казалось почти невозможным. Не то чтобы Марина и правда была способна на это. Но каждый раз она фантазировала, как сбегает, или как приезжает полиция, или как Марк спасает ее. Она думала об этом постоянно: до встречи, во время и после.

Марк писал и звонил каждый день. На двадцатилетие, которое Марина провела в университете, прислал букет. Тогда она впервые ощутила укол стыда: вот цветы от Марка, который всегда рядом, а вот Левицкий, и он тоже всегда рядом. От этого ей по-настоящему захотелось, чтобы кто-то узнал о происхождении. Возможно, это могло бы что-то изменить, исправить. По крайней мере, так ей нравилось думать.

Марк позвонил почти в полночь. Он был взволнован: неровно дышал, суетился, часто извинялся и переспрашивал. Еще он постоянно ругался, обходя сонных курильщиков, толпившихся на перроне.

— Опять к бабушке собрался?

— Марин, я утром буду у тебя уже.

— Завтра утром?

— Сюрприз!

Она ответила не сразу:

— Марк, ты же уехал... до сентября?

— Эм... — он сконфуженно осекся. — Почему мне кажется, что ты не рада?

— Почему? Рада! Я очень рада.

— Да, но голос у тебя грустный, Маринад. И, если ты опять скажешь, что заболела, я вызову скорую, клянусь.

— Нет, я не заболела, — она вымученно засмеялась. — Просто устала.

— Я почему-то не верю тебе, Маринад. И меня это очень беспокоит.

Оба замолчали. Марина смотрела на свое отражение в темном окне, Марк ждал, вслушиваясь в звуки из динамика.

— Давай мы утром поговорим?

— Только без дураков, ладно? Не надо меня жалеть.

— Я и не жалею, Марк.

— Тогда прекрати врать.

Впервые голос одноклассника звучал обиженно. От этого у Марины под ребрами стало тесно, а щеки заалели. Она прижалась разгоряченным лбом к холодному стеклу и прикрыла глаза, а потом еле слышно попрощалась с Марком.

Невыносимо долго тянулась ночь. Незнакомая, болезненная надежда не давала Марине сомкнуть глаз. Ее мучили желание увидеть Марка и страх увидеть его.

Она решила навести порядок в комнате, открыла давнишний список дел и прошла по нему еще раз. Закончив короткую уборку, Марина легла на кровать и уставилась в потолок. Она чувствовала тяжелую усталость, но сон никак не приходил. Вместо этого в голове клубились мысли. Липкие и спутанные мысли.

Ее пугало, что Марк, рыжий Марк с глупыми веснушками и проколотыми ушами, вызывал в ней такие переживания. И разве нормально, что она думает о нем? Особенно если брать во внимание Левицкого. Как рассказать о произошедшем Марку? Что ему рассказать?

Будильник сработал в восемь утра, когда Марина все еще смотрела в потолок. Она не спеша умылась и привела себя в порядок. Впервые с той ночи нанесла парфюм, блеск для губ и немного румян, чтобы спрятать болезненную бледность, которая уже месяц не покидала ее. Проверила телефон — ни сообщений, ни пропущенных звонков не было.

Чем только она не пыталась занять время: прогулка вокруг общежития, чтение, вынужденный завтрак. Потом Марина дала себе слово, что переведет песню Тимберлейка, и перевела ее. После отправилась кормить голубей, но ее прогнал дворник. А на часах между тем было только полдесятого. Она решила, что не станет больше брать телефон в руки и уж тем более ждать Марка. Пошла в душ, смыла макияж, парфюм и бессоницу. Но, вернувшись в комнату, вновь оказалась один на один

с немym телефоном и неумолимым желанием позвонить одному группнику.

— Марина, ты в своем уме? Что ты ему скажешь? — Она вытащила из небольшой косметички консилер, блеск для губ и начала наносить макияж снова. — Всякое скажу. Скажу, что уже утро. Может, скажу, что скучала, что разговариваю сама с собой, что уже месяц меня Левицкий насилует. Или попрошу купить к чаю... Хотя про Левицкого не скажу.

Раздался стук. Марина подтянула колени к груди и замерла. Телефон завибрировал, уведомляя о сообщении от Марка. Она наспех надела пижамные штаны и черную майку, а потом настороженно спросила:

— Кто там?

— Кто-кто... Игорь Николаев!

— Марк?

— Ага, Цукерберг.

— Таких не знаю.

— Цветкова, я всю ночь провел в плацкартном вагоне. Я голодный, злой и воняю. Прояви милосердие!

Приложив руку к груди, она глубоко вздохнула несколько раз, поправила тонкую бретель и провернула ключ в замке.

Белые носки с потертостями висели на холодной батарее рядом с расшнурованными красными кедами. Марк сидел на кровати, закутавшись в серую толстовку, поджав холодные ноги под себя и размешивая сахар в чашке чая. Он старался не глазеть на Марину, но это явно удавалось ему с трудом. Она

выглядела иначе. Сильно иначе. Она металась по комнате и тараторила, точно заведенный зайчик. Покрытые плечи теперь ссутулились, а щеки стали впалыми. Пижаменные штаны, которые обычно плотно прилегали к бедрам, висели точно на манекене из детского мира. И волосы... Она состригла волосы, теперь вместо вечно вьющихся и непослушных прядей у нее была ровная белая щетина. Марина напоминала тень себя прежней, очень напуганную тень. Когда она уже в третий раз принялась прибираться на настенной полке, Марк осторожно, очень медленно подошел и сел рядом со стопкой книг. Протер старый словарь русского языка от несуществующей пыли и тихо начал:

— Ты в порядке?

— Да, конечно. Как бабушка?

— Ты уже спрашивала, а я уже отвечал, что мы не пересекались.

— Точно. Она уехала к тете, пока ты поливался и пололся.

— Марина, ты в порядке? — повторил он уже серьезнее, вглядываясь в ее лицо.

— Да, конечно. Как бабушка?

— Мы что, в фильме Тарантино? Это день сурка? Я сплю и мне снится кошмар?

— Да, конечно...

Он поднял на нее уставший взгляд. Марина выхватила словарь из его рук и с минуту молча смотрела на оглавление. Марк силился понять, что происходит, но собственное тело мешало ему — спину стянуло напряжением, челюсти были плотно сжаты.

— Я просил не жалеть меня.

— Я не жалею тебя. — Она поставила словарь на полку рядом с темно-синей книгой. — Надо бы пересмотреть, да? Давай «Сумерки» посмотрим вечером?

— Марин, я на дурака похож?

— Если честно, то немного.

— Да что с тобой не так? Я понять не могу, — голос его стал громче и грубее.

— Все хорошо.

— Поэтому ты уже третий раз переставляешь книги на полке и протираешь их от пыли? Так выглядит «хорошо»?

— Я просто люблю убираться.

— Ты? — Он засмеялся. — Извини, конечно, но ты даже в расписание свое забываешь включать уборку.

— Марк, я просто...

— Что? Заболела или устала?

— Подай Набокова, пожалуйста.

Марк обреченно уставился на неровную пеструю стопку, достал голубой сборник рассказов, затем поднялся и очень спокойно сказал:

— Так, знаешь что? Я, может, и не лучший парень в универе, в Москве или где-то там еще, я это понимаю. Но я ехал всю ночь в этом идиотском вагоне без кондиционера и биотуалета, просто чтобы увидеть тебя. — Он глубоко вздохнул, вложил ей в руку книжку, вернулся к креслу и продолжил, уже не сдерживаясь: — Из очевидного, Маринад: ты мне нравишься. Думаю, это было понятно давно. Но если вдруг тебе не понятно, то

повторюсь: ты мне нравишься. Вот. Из очевидного также и то, что я тебе — нет. Но ты даже не можешь мне сказать, что я иду мимо! Ты, блин, протираешь книги в третий раз, лишь бы на меня не смотреть!

Он снял с батареи мокрые носки, запихал их в карман толстовки и принялся зашнуровывать кеды. Стопы липли к влажным стелькам, отчего те сбивались. Он схватил кеды и подошел к двери.

— И не собираюсь я с тобой «Сумерки» смотреть, понятно? Вообще, держись от меня подальше. Ты могла бы сразу сказать, чтобы я не придумывал там себе ничего.

— Сказать что?

Он кинул обувь на пол маленькой прихожей, пытаясь еще раз втиснуть ногу.

— Что я тебе — нет!

— Но ты мне — да.

— Опять ты со своей жалостью.

Марина пыталась унять дрожь в подбородке. Она вытянулась как струнка и сжала ладони в кулаки, не позволяя себе шелохнуться.

— Я никогда тебя не жалела, я просто не думала...

— Да дебилские кеды! — Он пнул обувь, навалился на входную дверь и вышел в коридор босиком.

Совсем скоро шаги Марка стихли. Марина не отрываясь смотрела на открытые двери, ощущая, как несколько слезинок начали бег. Она пыталась понять, как за месяц все ее мечты обратились в кошмар. Почему она всегда плачет тихо?

И существует ли предел, после которого она сможет разрыдаться в голос?

Она медленно закрыла веки, и слезы торопливо полились по обеим щекам, смешиваясь и путаясь. Она слышала, как бешено колотится сердце, гоняя кровь по телу, чувствовала жар в кулаках. И думала, как исправить это. Можно ли вообще исправить это? Почему никто не говорит, что делать, когда тебя насилуют? И считается ли это насилием, ведь она соглашалась на встречи?

Обида больно ущипнула, вызывая неприятную пустоту в животе. К горлу подступила тошнота. Марина продолжала стоять с закрытыми глазами, из которых беспрерывно лились слезы. Нос уткнулся в мягкую ткань, пахнущую мятной жвачкой и поездом.

— Марина, просто скажи, что происходит? — прошептал Марк.

Вместо ответа она прижалась лбом к его груди и бесшумно разрыдалась. Марк стоял неподвижно, дыша через раз. Он и впрямь собирался уйти. Но не смог. С Мариной явно было что-то не так. И больше остального его пугало неведение.

— Пожалуйста, я с ума сойду.

— Обними меня, — прошептала Марина.

Он покорно выполнил просьбу.

— Ты месяц сама не своя. Я ведь не дурак, а притворяюсь. Я все вижу. Кто-то умер?

Она отрицательно покачала головой.

— Умирает?

— Марк, не надо. Я не хочу врать, но и сказать не смогу...

— Ты ведь знаешь, что я не оставлю это? Особенно теперь. У тебя проблемы? Это секрет? — Он положил руку ей на голову и начал медленно гладить по волосам, изучая ее реакцию.

— Тайна.

— Тайна... У тебя проблемы с наркотиками? Тебе угрожают? Ты с кем-то встречаешься? С кем-то, с кем нельзя встречаться?

Марина дернулась. Тогда Марк успокаивающе зашипел, возвращая ее голову на грудь. Марина смотрела на пол, понимая, что не сможет отнекиваться, если еще хоть минуту простоит так.

— Это Анисимов?

— Марк, не надо. Я со всем разберусь. Мне нужно немного времени.

— Сколько? Ты с корпоратива подбитая, шугаешься всех. Даже меня.

Тело Марины странным образом реагировало на упоминание о той ночи. Оно сжималось и подрагивало. Находясь рядом, не заметить этого было невозможно. Марк замер, понимая, что ответ все время был на поверхности.

— Это Левицкий? — Это был не то вопрос, не то утверждение.

Когда до раскрытия тайны остается мгновение, все вокруг искрится напряжением. Марина, которая фантазировала о победе и спасении, теперь боялась пошевелиться. И Марк, который гнался за ответом, теперь тоже, кажется, был напуган.

— Что он сделал?

Марина отстранилась. В глаза сразу бросилось огромное, медленно расплывающееся темно-серое пятно на толстовке. Она затравленно оглядела комнату и внезапно даже для самой себя сказала:

— Делает.

— Что делает? Мариночка, ты просто расскажи, и я все решу. Я решу. Ладно? Хорошо?

Было трудно понять, кого он успокаивал: себя или Марину, которая без конца кивала, закрыв ладонью рот.

эпизод 1. нура

Первая булавка под подбородком. Ввожу ее медленно, чтобы не оставить затяжек. Вторая на макушке фиксирует драпировку. Третья у правого виска: кончик иглы прячу под свободный хвостик платка. Поправляю складки непослушного шелка, проверяя каждое острое пальцем. Синий цвет хоть и подчеркивает синяки под глазами, но на смуглой коже выглядит просто невероятно. Ощущаю себя индийской принцессой, когда поворачиваюсь в профиль к зеркалу и очерчиваю горбинку на носу. В голову лезут воспоминания, перемешанные со злостью, обидой и тоской.

Дедушкина душа.

Делаю фото и посылаю в семейный чат, ожидая шквал сообщений с наставлениями, комплиментами и предостережениями.

Расти в кавказской семье — это самое прискорбное приключение юности. До совершеннолетия братья считали своим долгом отравлять мою жизнь, отгоняя всех парней. А на восемнадцатый день рождения приволокли свататься соседского

мальчишку. Разумеется, после моего ответа случился страшный скандал. Старший брат кричал громче всех. Ибрагим так покраснел, что его редкие усики стали казаться гуще. Мама носилась по кухне, размахивая полотенцем, тетя Сусанна вцепилась в мое плечо, причитая и охая. А я молча сидела в желтом праздничном колпачке, глядя на остывший хинкал. Единственный, кто излучал спокойствие, — буба. Он выключил звук у телевизора и громко отхлебнул чай из большой кружки.

— Нура, ты больно самостоятельная стала, да? — продолжал Ибрагим.

— Ты человека хорошего прогнала зачем? Козочка, он ведь порядочный парень, семья хорошая, жили бы рядышком с нами. Давай вернем! Присмотрись, да, еще раз, — тетя ослабила хватку.

— Нет.

— Йа Аллах. Коза упрямая! Что ты там ищешь? Москва — не Россия. Ты там ничего не найдешь. Тут все знакомо, родители рядом, дом есть, еда. Что тебе надо еще?

— Тетя, вы не знали? Нура — звезда, журналистка, ведущая... — Ибрагим махнул рукой прямо перед моим носом. — Двух слов связать не можешь! Дома сиди. Не позорься и нас не позорь, ахмакъ.

В тот момент у меня так чудовищно свело скулы и запищало в ушах, что я даже взгляд поднять не могла. Бубашка поставил передо мной блюдце с толстым куском хлеба, щедро политым кизилowym вареньем. Я одним движением запихнула бутерброд в рот, чудом не подавившись.

Буба прочистил горло, отодвинул кружку и положил обе руки на стол. Все тут же замолчали. Тетя наконец-то отпустила мое плечо, но я побоялась прикоснуться к зудящей коже.

— Я сейчас слышал, как один мальчишка сестру дурой называл, — дедушка улыбнулся побледневшему Ибрагиму, который теперь стыдливо изучал узор на старом ковре. — Раз уж так случилось, что я единственный мужчина за столом, то придется мне отвечать. Яруш, — он положил теплую шершавую ладонь на мое плечо, — ты уверена? Если уверена, зачем слушаешь тогда? Встань гордо и делай, чтобы стыдно не было. — Сложив салфетку пополам, буба приложил ее к моему носу и, смеясь, продолжил: — Что за праздник такой: кровь есть, а драки не было! Улыбнись, чон бубадин.

Дедушкина душа.

Еще раз смотрю на свое отражение, проверяя хиджаб, и выбираюсь в шумный коридор университета. Студенты снуют туда-сюда: девушки кучкуются, парни смеются, а парочки воркуют на подоконниках, на которых вообще-то сидеть нельзя. Отвожу взгляд от целующихся, и где-то внутри пробуждается раздражение.

Йа Аллах, ты ей сейчас гланды откусишь!

Переключаю внимание на свои пальцы, пересчитываю кольца несколько раз. Понимаю, что их количество едва ли могло измениться. И все же вдумчивый пересчет серебряной десятки всегда помогает унять тревогу. Сейчас, например, я насчитала сто три кольца, пока шла от туалета на первом этаже до заднего двора.

Все вокруг окутано дымом, который периодически рассеивается. Тогда я могу разглядеть лица одноклассников. Почти у каждого в руке самокрутка или какой-нибудь курительный гаджет. Стоит несмолкаемый гомон, а я все думаю, глядя на клубящийся дым: как эта толпа помещается в таком небольшом здании? Медиакорпус — усадьба двадцатого века высотой в пять этажей, с белой облицовкой, зеленой крышей и рядом невысоких колонн у входа. Но каким-то непонятным образом он вмещает всех. Чего нельзя сказать о заднем дворе, куда студенты выбираются на перерывах. На фото он казался величиной с футбольное поле, хотя на самом деле размер у него скромный: скамейки всегда заняты, а фонтан облеплен со всех сторон. Из-за этого время от времени приходится топтаться рядом с колючими кустами, в каком-нибудь тесном кружке.

Сквозь густую листву деревьев пробивается мягкое сентябрьское солнце. Укладываю голову на макушку Кати и прикрываю веки.

— История про одноглазого кота, — говорит Женя, которая, вероятно, делает очередную затяжку. — Жил-был одноглазый кот, и он был счастлив: добрые хозяева, мягкая лежанка, лучшие игрушки и друг-пес. Но все вокруг жалели кота, потому что у него был всего один глаз. — Она замолкает, но очень скоро продолжает чрезвычайно неприятным гнусаво-визгливым голосом: — Проблема в том, что кот не знал, что с ним что-то не так. Он не ощущал, что с ним что-то не так. И жалость была неуместна. Понимаете?

Я приоткрываю глаз. Женя стоит совсем рядом и пристально смотрит на меня, пока остальные молча кивают.

— Это похоже на тебя, да, Нура?

— Не очень понимаю, о чем ты.

— Ну как? Ты ведь тоже не ощущаешь, что с тобой... — Она хмурится, очевидно пытаюсь подобрать более деликатное слово.

— Что со мной что-то не так?

— Да, что ты отличаешься от нас.

Дым почти рассеялся, и я вижу череду взглядов: смущенных, любопытных, ухмыляющихся. Впервые ощущаю сожаление, что никто не спешит задымить по новой. Я слышу громкий смех, бархатное жужжание какого-то насекомого и собственное дыхание. Оно звучит громче всего, словно мне заложило уши. Катя обхватывает мою ладонь и крепко сжимает:

— Пока ты не сравнила Нуру с одноглазым котом, никто и не думал, что с ней «что-то не так».

— Расслабься, это метафора. Никто и не думает, что она одноглазый кот. Хотя, может, сама Нура?

Нет, пожалуйста, только не надо опять плялиться на меня!

Я морщусь, теребя свободной рукой перстень на мизинце. Прочищаю горло и, преодолевая невыносимую сухость во рту, говорю:

— Не уверена, что этично сравнивать мусульманку с одноглазым котом...

— Это чудовищно невежливо, Женя! — рывкает Катя, надвигаясь на одноклассницу. — И хочу напомнить, что у одноглазого кота в друзьях водился пес.

Я тяну мелкую на себя, стараясь удержать на месте.

— Остынь, Майорова!

Ох, зря ты, Женя, это сказала.

— Сейчас ты у меня остынешь, Гадышева.

— Гладышева, вообще-то.

— Странно, а вещаешь как Гадышева.

Раздаются смешки. Благо, ребятам хватает ума не комментировать перепалку — кто-то переводит разговор на восхищение мастером. Женская половинка с охотой подхватывает тему — теперь слышно только очарованное шушуканье. И все же я продолжаю буксировать Катю от греха подальше. Она спокойно плетется рядом, совсем не сопротивляясь, но и без особого энтузиазма. Катя не разделяет моего желания избегать конфликтов. Вернее, так: она обожает встревать в передраги. Иногда кажется, что она специально ищет неприятности, чтобы развеять скуку.

Мы с детства дружим, но я до сих пор не понимаю, как в ней помещается столько злости. Катя ниже меня ростом, худая, я бы даже сказала, тощая. У нее кукольное, девичье лицо и явное помешательство на розовых вещах. Даже сегодня ее макушку украшает ряд крохотных розовых бантов — несколько сбились и затерялись в волосах. Но характер у нее точь-в-точь как у Ибрагима.

— Кит, нельзя же ругаться каждый раз, когда кто-то высказывает свое мнение. — Поправляю один из ее бантиков.

— Ты слышала, что она сказала?

— Что я кот одноглазый, а ты пес, — спокойно отвечаю я и широко улыбаюсь, приглаживая ее светлые волосы. — Кото-пес, котопес...

Она закатывает глаза, пытаясь сохранить суровый вид, но очень скоро сдается и прячет улыбку в ладошку.

— Господи, как у нее в голове инклюзивный кот смешался с тобой? Погнали в аудиторию, — Катя цокает, отмахиваясь, — хочу занять самое козырное место.

— Ты? Раньше не замечала у тебя такой тяги к знаниям. Это рвение, случаем, не...

Она раздраженно шикает и ведет меня в прохладную тень университета. Я перебираю ногами, следуя за ней, лавируя между людьми, перемещаясь из коридора в коридор, но чувствую только, как тело наполняется живым спокойствием и тихой радостью. Это даже кажется мне странным. Ведь ничего принципиально нового не случилось: Катя тащит меня за собой после перепалки. Обычное дело, такое часто бывало в школе. Но сейчас почему-то мне нестерпимо хочется не то хохотать, не то плакать, не то обниматься... Все как-то спуталось, но я точно ощущаю одно — легкость и мурашки. Никакой больше школы и экзаменов, никаких уговоров и болтовни о замужестве, никакого Ибрагима, вечной зубрежки, переживаний о баллах и бюджете. Конец! Остается только бесконечное множество выборов. Моих выборов.

Я и не замечаю, как оказываюсь напротив окна, из которого доносится веселый щебет, и ищу птиц взглядом.

— Чубарук.

— Что?

— Ласточка.

Катя раскладывает вещи на столе. Я оглядываю аудиторию с темно-красными стенами, проектором, белой кафедрой

и несколькими рядами длинных столов — обычных парт, соединенных друг с другом. Свет гаснет. Появляется невысокая тень, которая разрастается до тех пор, пока Александр Альбертович не встает рядом с кафедрой. Катя тут же начинает мельтешить: расправляет белый воротничок, теребит банты, елозя на стуле, но стоит мастеру заговорить, как она замирает и сосредоточенно слушает. Чудо, не иначе.

Тонкие белые занавески надуваются, поднимаясь к потолку, и зал наполняется цветочным ароматом. Доносится далекий скрип качелей, тихий смех и пение птиц. Я кладу голову на скрещенные руки, глядя на улицу.

— Второй ряд, прикройте окно, пожалуйста.

Я успеваю только поджать губы и обреченно вздохнуть, когда Катя с кошачьей грацией медленно поднимается и закрывает окно.

Ты погляди-ка!

— Итак, будущие журналисты и ведущие, сегодня уже третье занятие. По учебному плану я должен рассказать про теорию журналистики, но у вас есть выбор: либо лекция, либо практическая работа интервьюера.

Аудитория оживилась, как и мое сердце. Кто предпочтет практику скучной теории?

— Я в вас не сомневался. Тогда, коллеги, мне нужны два добровольца.

В это же мгновение вверх тянется рука — тонкое запястье, розовый маникюр. Александр Альбертович кивает, приглашая к кафедре Катю. Следом поднимается черная макушка Глады-

шевой. Я сжимаю губы, когда по аудитории проносится волна смешков.

— Какая бурная реакция на тандем. Что-то случилось?

— Так, небольшой спор, — отмахнулась Женя.

— Отлично, сейчас с этим и разберемся тогда. Дамы, решите, кто из вас гость, а кто интервьюер. Подсадной уткой будете вы, — он указывает на Даню, долговязого лысого парня в четвертом ряду.

Александр Альбертович выставляет два стула рядом с проекцией, сажает девочек напротив друг друга и вручает каждой по микрофону.

— Итак, что было предметом вашего спора?

— Одноглазый кот. — Женя откидывает волосы и смотрит на меня.

Йа Аллах, прицепилась же!

— Вообще-то, оскорбление чувств верующих. — Катя выглядит спокойной, чего не скажешь о ее правой руке, сжатой в кулак.

— Да не оскорбляла я верующих.

— Оскорбляла! — гнусаво, протяжно и абсолютно карикатурно звучит голос Дани. После этого комментария зал наполняется хохотом.

— Пошла жара! Отлично, тема есть. Кто ведущий?

Катя поднимает руку, по-прежнему сжатую в кулак. Александр Альбертович дает короткую инструкцию, настраивает камеры, стоящие по бокам, и, хлопнув в ладоши, усаживается на свободное место:

— Да будет шоу!

Раздаются громкие аплодисменты, после которых Катя, как настоящая ведущая, делает журналистскую подводку. Она выглядит собранной: ровная спина, плотно сжатые колени, сдержанная жестикуляция и четкая дикция. Но все же первую половину пары без конца получает замечания, пытаюсь побороть азарт, который то и дело захлестывает ее. Женя тоже не робкого десятка, возможно, именно поэтому интервью больше походит на дебаты. Боевой настрой Гладышевой быстро улетучивается, когда речь заходит о родителях и детстве. Она почти превращается в мини-версию меня: сгорбившись, рассматривает руки, отвечает коротко, даже односложно.

— Пауза. Группа, обратите внимание на реакцию Евгении. Какую тему она обходит стороной?

— Отца, — выкрикивает Даня.

— Катерина, нужно добавить. Только без фанатизма, чтобы в нормальных чувствах завершить занятие — скоро перерыв.

Ого. Погодите, серьезно? Добавить?

Не то чтобы я питаю иллюзии о работе ведущих, но мне хочется думать, что сказанное — шутка. Однако никто не смеется. Едва я успеваю столкнуться с собственными переживаниями, как начинается второй раунд. Старый конфликт растворяется в новом. Женя внезапно меняется в лице, закидывает ногу на ногу и с вызовом смотрит на ведущую, нервно улыбаясь. Я уверена, что Катя сейчас ощущает небывалый азарт. Напряжение напоминает натянутую резинку, которая вот-вот щелкнет с такой силой, что точно оставит шрам.